Памяти Сергея Александровича и Елены Александровны Нилус

М В Орлова-Смирнова

SHOUT
SHARE
IT

- М. В. Орлова-Смирнова

М. В. Орлова-Смирнова
ПАМЯТИ СЕРГЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА И ЕЛЕНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ НИЛУС

14 января 1929 года в доме моего отца, священника Василия Арсентьевича Смирнова, в селе Крутец, Александровского уезда, Владимирской области, скончался Сергей Александрович Нилус.

Отцу моему выпала честь приютить этого замечательного человека в своем доме, вместе с женой его Еленой Александровной, урожденной Озеровой, в последний год жизни его, и проводить его в последний путь.

В живых, кроме меня, не осталось больше свидетелей его кончины и последних месяцев и дней его жизни.

Поэтому я считаю своим долгом написать все, что я об этом помню.

О Сергее Александровиче мой отец и вся семья наша впервые услышали от моего покойного мужа, Льва Александровича Орлова, который был большим его почитателем. Он привозил нам книгу Сергея Александровича «Великое в малом», в последнем ее издании, и ее мы с большим интересом и вниманием прочли вслух, читая по очереди по вечерам.

Последнее издание книги «Великое в малом» отличалось от первых изданий тем, что в него были включены «Сионские протоколы». О том, как к нему попали «Сионские протоколы» Сергей Александрович рассказывал так:

«После того, как были изданы первые его книги, к нему пришла одна старушка, бывшая небогатой помещицей где-то в Орловской губернии. Она спросила, не решится ли он Сергей Александрович, поместить в своей книге и напечатать эти протоколы. Протоколы остались у нее, после смерти сына, который, в свою очередь, получил их от своей жены — еврейки. Когда-то, по каким-то обстоятельствам он находился в Париже. Там его полюбила девушка-еврейка, принявшая потом христианство и вышедшая за него замуж.

Девушка взяла протоколы тайком из стола своего отца, который был одним из главных «сионских мудрецов», и отдала их своему жениху, сказав, что они могут пригодиться в России.

Она тайно от родителей бежала с ним в Россию и здесь они оба умерли. Перед смертью сын попросил мать напечатать эти протоколы. Она обращалась с ними в различные издательства и к разным лицам, но везде получала отказ. Тогда она обратилась к

С.А. И он их напечатал. Имена этих людей он нам не говорил, но я помню, под протоколами было написано: «Читатель, помяни душу усопшего боярина Алексия!»

На всех эта книга произвела большое впечатление, заставила по иному смотреть на все происходящее.

В то время мы не могли и предположить, что автор этой книги будет у нас жить, и нам придется проводить его в последний путь.

Но пути Господни неисповедимы и все произошло именно так.

Способствовал этому целый ряд стечения различных обстоятельств. Вот как все произошло. В 1926 году, по случаю рождения у меня первой дочери, я жила в Крутце у родителей, так как была неопытной молодой матерью и нуждалась в помощи моей мамы. Это было в январе 1926 года.

Вскоре отцу моему зачем-то понадобилось поехать в Александров. Возвратясь вечером из поездки, он с волнением рассказал, что встретил в Александрове хорошего своего знакомого, священника из села Волохова. Священник этот, звали его о. Михаил, рассказал, что на днях, возвращаясь откуда-то домой, он застал около своего дома двух старичков, мужа и жену, которые ждали его возвращения, сидя на ступеньках крыльца.

Старички представились ему, и о. Михаил был поражен, услыхав, что это писатель Нилус с женой. Фамилия была достаточно известной.

Сергей Александрович объяснил о. Михаилу, что он выслан «минус 6» из предыдущего места жительства и ищет себе пристанище. Высланные «минус 6» не имели права жить в шести главных городах Советского Союза.

Какие-то московские знакомые направили их в Волохово, к своим знакомым. Но эти люди побоялись поселить у себя Сергея Александровича и послали его к о. Михаилу, зная, что он живет один в большом доме и думая, что тот не побоится пустить их жить у себя.

«Но я тоже побоялся», — сказал о. Михаил. На вопрос моего отца, где же сейчас находятся эти бедные старички, о. Михаил ему сказал, что они уехали обратно в Москву.

Трудно себе представить, что испытали С.А. и Е.А., ожидая на морозе о. Михаила, и каково было им потом услышать его отказ! Но они никогда ни одним словом об этом не упомянули, не промолвили не слова укоризны, приняв, как всегда, безропотно и это испытание.

Рассказав нам об этом отец сказал: «А я бы не побоялся».

Обо всем услышанном я тотчас же написала мужу, правда

иносказательно: «Человек, которого ты очень уважаешь, и которого ты был бы очень рад увидеть, был в Александрове».

Через два дня мой муж приехал и, как только мы ему рассказали, он тотчас же пешком отправился в Волохово, — это в 18 верстах от нас, чтобы узнать адрес людей, у которых в Москве останавливались Сергей Александрович и Елена Александровна. Адрес ему дали, и он стремглав бросился в Москву, надеясь застать там Сергея Александровича с женой и привезти к нам. Но оказалось, что он опоздал и накануне его приезда они уехали в Чернигов, где нашлись люди, которые были рады принять их у себя. Мой муж сразу же написал в Чернигов о готовности моего отца принять С.А. и Е.А. в своем доме и вскоре получил ответ от Сергея Александровича, в котором тот искренне благодарил за приглашение и обещал воспользоваться им, если будет в том нужда.

И вот, в 1928 году эта нужда настала. Сергея Александровича выслали и из Чернигова, ввиду возросшей его известности и авторитета.

Он написал мужу, спрашивая, не изменились ли обстоятельства и решение моего отца, и получив от моего отца подтверждение в неизменности этого решения, в конце апреля 1928 года С.А. приехал в Крутец, к моему отцу.

Муж поехал в Крутец вскоре после приезда С.А. и Е.А. туда, так как очень хотел лично познакомиться с Сергеем Александровичем.

У меня же в марте родился второй ребенок и я поехала туда только в конце мая. В холодный ветреный майский день приехала я в Александров. На вокзале меня встречал отец на тарантасе, запряженной нашей доброй, смирной лошадкой.

Дорога до Александрова занимала около часа, я замерзла и все кутала своего сына, боясь, что он простудится. А подъехав к дому, я с удивлением увидела, что на этом ветру и холоде меня встречают Сергей Александрович и Елена Александровна, сидя на скамейке возле дома.

Сергей Александрович был в черном пальто и черной вязанной шапочке и опирался на толстую палку, стоящую впереди, а у Елены Александровны вид был совсем замерзший и лицо даже посинело от холода, так как на голове у нее была только маленькая шапочка, надетая по старинной моде совсем поверх головы. Но поза ее была величавой и голову она держала высоко поднятой. Вероятно это было следствием ее аристократического воспитания.

Сергей Александрович выглядел совсем библейским патриархом, со своим светлым ясным лицом и большой белой

бородой. Глаза его смотрели добро и пытливо, испытующе, словно сразу ему хотелось заглянуть в душу человека и сразу увидеть, что этот человек из себя представляет, чем живет и дышит. Лицо Елены Александровны сначала показалось мне некрасивым, но когда она заговорила со мной, лицо ее засветилось такой добротой, что и мысль всякая отпала о том, красиво оно или нет, и потом всегда казалось прекрасным.

Они оба очень ласково поздоровались со мной и в дальнейшем всегда относились ко мне с неизменной добротой, как, впрочем, и ко всем остальным.

Я прожила у родителей до поздней осени, и лето это в моем воспоминании представляется каким-то сплошным воскресным днем. Так все освещалось присутствием в нашем доме Сергея Александровича и Елены Александровны.

Как-то лет за пять до личного моего знакомства с Сергеем Александровичем, я встретила двух женщин, когда-то близко знавших о. Павла Флоренского. В одном из разговоров кто-то упомянул Нилуса, и они сказали, что о. Павел однажды сказал о нем: «А мне он /Нилус/, кажется черезчур «спаси Господи». Видимо С.А. представлялся о. Павлу этаким «елейным» старичком. Но в этом он ошибался. Ничего «елейного» ни в С.А., ни в Е.А. не было. Сергей Александрович и с виду был богатырем: высокого роста, широкоплечий, с красивым лицом, красивыми карими глазами и ясным добрым взглядом. Он был очень жизнерадостным человеком, у него был чудесный баритон, а у Елены Александровны была великолепная школа, и вдвоем они иногда устраивали концерты. Пели они и церковные вещи, я помню чудесное «Хвалите имя Господне», «Иже Херувимы», нигде больше мною неслышанных напевов.

Иногда он садился за рояль, или импровизировал, или играл этюды и вальсы Шопена. Играл он их на память и играл так, как никто из слышанных мной пианистов. Иногда они вдвоем пели старинные романсы, русские старинные песни, украинские. Пел он, я помню, цыганский романс «Расставаясь, она говорила, ты забудешь меня на чужбине…» Хотелось плакать…

Как-то отец мой пригласил в какой-то праздник одного певчего, который всегда пел в церкви на клиросе. Сидели, пили чай, разговаривали, а потом С.А. с Е.А. решили спеть для гостя. Сели за рояль, и под аккомпанемент С. А. спели несколько украинских и русских песен.

— Видно, что образованные, — сказал наш гость. После мы все смеялись над этой простодушной похвалой.

И внутренне он был колоссом духа, так твердо стоявший «на камени веры», что ни гонения, ни лишения, ни злословие не

могли поколебать его веру и любовь к Богу. Раз избрав свой путь, он шел по нему, не оглядываясь назад. Такова же была и Елена Александровна. Оба они любили друг друга верно и самоотверженно, всегда были вместе, во всем были единомысленны. Они были аскетами в своем безропотном, даже как бы радостном перенесении всяких лишений, гонений и различных житейских зол.

Были они строгими постниками, но и аскетизм и пост их были по слову Евангельскому с «главой, умащенной елеем и лицем умытым».

Все церковные службы, которые совершались в нашем храме, они посещали неукоснительно. Очень часто исповедовались и причащались. Оба они пели на клиросе. У Е.А. было большое умение петь.

Они были как бы христианами апостольских времен и все Евангелие было им так близко, если бы они жили в те времена и были очевидцами тех событий. И своим любовным отношением к людям они так же были близки к первым христианам.

Вся их жизнь была как бы непрестанным стоянием перед Богом, и каждый свой шаг они представляли на Его суд. Никакие земные соображения и расчеты не принимались ими во внимание, всецело они предали свою жизнь в волю Божию. Поэтому такое большое влияние на окружающих они имели, так могли пробуждать в людях добрые чувства. Я помню как-то раз в праздник, мы всей семьей пили чай на террасе нашего дома. Перед террасой проходила дорога, на которой показался изрядно подвыпивший мужичок. Посмотрев на наши окна, он начал выкрикивать какие-то ругательства в адрес «попов». В этот день с нами был и мой муж. Он возмутился и хотел выйти и обрушить громы и молнии на дерзкого. Но Сергей Александрович остановил его, сказав: «Подожди, Левушка, я сам с ним поговорю».

Он вышел на крыльцо, подозвал к себе прохожего и что-то стал ему говорить. Мы даже немножко испугались, что С. А. услышит какие-нибудь оскорбления. Но, к удивлению нашему, после слов Сергея Александровича, мужичок заплакал, начал креститься. Сергей Александрович попросил нас вынести воды, прохожий напился и, крестясь, плача и благодаря за что-то Сергея Александровича, пошел своим путем. Был еще один случай, изумивший моего мужа. Как-то Сергей Александрович пригласил моего мужа прогуляться после чая. Видно, в этот день он чувствовал себя хорошо.

Они отправились по дороге, рядом с которой был парк бывшего помещичьего владения. Парк этот был огорожен

дощатым забором, местами проломанном. По дороге, навстречу им показалась телега с двумя седоками. Один был пожилой мужчина, другой — подросток. Мой муж, опасаясь услышать опять какую-либо грубость, предложил Сергею Александровичу пройти в пролом забора и идти по другую его сторону, чтобы избежать столкновения.

«Нехорошо, Левушка, людей бояться, пойдем прямо», — сказал Сергей Александрович, и они пошли навстречу едущим. И вдруг слышат они, как старший говорит младшему: «Смотри, смотри, вон навстречу отец Серафим идет», — и указывает на Сергея Александровича. Это — вместо ожидаемого моим мужем злословия! Они оба вернулись домой со слезами на глазах. Особенно был растроган Сергей Александрович, бывший большим почитателем преподобного Серафима.

Сергей Александрович и Елена Александровна занимали в нашем доме маленькую комнатку, бывший кабинет моего отца. Каждый день проходил у них по раз навсегда установленному порядку. Сергей Александрович вставал очень рано; часа в 4, и исполняя свое особое утреннее правило, затем, часов в 7 вставала Елена Александровна и они уже вместе читали утренние молитвы. Затем, часов в 8, до завтрака, они шли на прогулку.

Сергей Александрович был тяжело больным человеком. Неоднократные аресты, пересылки из одного места в другое привели к тяжелому заболеванию сердца. Я помню, как-то раз он сказал моему дедушке: «Ах, отец дьякон, я как червивое яблоко, — снаружи как будто все хорошо, а внутри никуда не годится».

Действительно выглядел он богатырем, а сердце было совсем больное.

Прогулка их длилась около часа и к общему завтраку они возвращались. Возвращались они всегда с букетиком цветов, так как в наших местах их росло очень много. Елена Александровна во время прогулок собирала то одни, то другие, и насчитала 85 видов цветов. Они любили наслаждаться красотой природы.

Помню, как однажды Сергей Александрович позвал моего мужа: «Левушка, иди, посмотри, какие облака красивые».

Все, что готовила мама, им всегда нравилось и самые простые кушанья они так торжественно вкушали, как будто это был царский обед.

После завтрака все принимались за свои дела. Старшие, во главе с отцом, отправлялись что-нибудь делать по хозяйству. Сергей Александрович после завтрака уходил в свою комнатку и работал. Он брал в церковной библиотеке журнал «Церковные ведомости» и выписывал оттуда в свои тетради все, что находил

знаменательным, продолжая отыскивать «великое в малом».

Елена Александровна находилась по большей части около него, а иногда выходила в общие комнаты и занималась с детьми, на что была большая мастерица. Она или пела им разные милые песенки, или рассказывала сказки, или придумывала занятные игры. При помощи носового платка и пальцев она могла показать целое представление и дети всегда слушали ее, затаив дыхание.

Для взрослых у Елены Александровны было тоже много различных интересных и полезных рассказов. Они с Сергеем Александровичем несколько лет жили в Оптиной пустыни, общались с оптинскими старцами и много о них рассказывали.

Елена Александровна рассказывала нам о старце оптинском, о. Нектарии, с которым они с Сергеем Александровичем были особенно близки.

Ел. Ал. говорила, что о. Нектарий любил рассказывать маленькие поучительные истории, две из которых я запомнила.

Первая из них: Один царь должен был выбрать себе советника. Чтобы найти достойного и верного человека, он решил подвергнуть их испытанию и сделал так: аккуратно снял кожу с апельсина, сложил его так, что издали можно было принять это за целый апельсин. Положив сложенную кожицу на стол, он позвал своих приближенных и спросил их: «Что это такое?» Все, кроме одного поспешили сказать: «апельсин». И только один сначала подошел, взял в руки и сказал: «Это кожа от апельсина». Его и взял себе в советники царь.

Вторая история. Так же один царь искал себе советника. Взял своих приближенных в лес и, гуляя по лесу, лег на землю, приложил ухо к земле и, встав, сказал, что он слышал, как растут грибы. Тотчас же все его приближенные сделали то же самое и, встав, сказали, что и они слышали, как растут грибы. Только один сказал, что он ничего не слышал. Его и взял царь советником.

А вот подлинная история, относящаяся к о. Нектарию. Однажды приехала в Оптину пустынь какая-то дама из Петербурга и попросила, чтобы ее принял о. Нектарий, о котором она много слышала. О. Нектарий ее принял и при этом как раз присутствовал Сергей Александрович с Еленой Александровной. Дама эта начала рассказывать старцу о своей жизни и перечислять невзгоды, какие ей пришлось перенести. Тон ее рассказов был такой, что эти страдания как бы должны обеспечить вечное спасение.

О. Нектарий выслушал ее молча, потом, помолчав, сказал: «Два разбойника были распяты на кресте вместе с Спасителем, оба страдали одинаково, но Царства Небесного сподобился только один.»

Так вот каждый день мы получали какое-либо назидание в общении с Сергеем Александровичем и Еленой Александровной. По вечерам Сергей Александрович иногда приглашал нас к себе в комнату, что-нибудь читал или рассказывал нам из того, что встретилось ему за день. Иногда читал из Четьи Минеи житие святого, память которого праздновалась на следующий день. Иногда с нами же читал вечерние молитвы, которые всегда заканчивал молитвой к Божией Матери: «Царице моя Преблагая, надежда моя, Богородице»...

Все, кто видел Сергея Александровича и Елену Александровну в церкви, сразу начинали относиться к ним с особым уважением. Но ни в какие разговоры Сергей Александрович ни с кем ни вступал, вероятно, боясь повредить моему отцу. Тем не менее, в сентябре, как раз накануне праздника Воздвижения Креста Господня у нас был сделан тщательный обыск.

Чудом мне удалось спасти тетради с записями Сергея Александровича. Опять помогло стечение обстоятельств. Я в этот день решила постирать и после завтрака, который был приготовлен на террасе, так как день был удивительно теплый, я пошла на кухню, из окна которой было видно все на террасе. Мама там убирала со стола. Вскоре я увидела, что на террасу вошли люди в военной форме, с ними двое крестьян, живших по соседству — понятые. Я прислушалась и слышу: «А вот ордер на обыск.» Вижу испуганное лицо мамы и тотчас в голове мелькает мысль о тетрадях Сергея Александровича. Иду быстро в комнаты через коридор, дверь из которого на террасу открыта. Быстро захожу в комнату Сергея Александровича и беру у него тетради.

Он тоже уже все услышал, так как окно из их комнаты тоже выходило около террасы. Как-то успела быстро пройти в свою комнату, завернула тетради в простыни и пошла обратно на кухню. Выйдя в коридор, слышу слова: «Никому никуда не выходить.» Но я продолжаю идти на кухню, где один из военных подходит ко мне, берет рукой за край простыни и спрашивает: «Что вы несете?»

Я довольно резко выдергиваю из его рук простыню и говорю: «Грязное белье, видите, я стираю». Он идет за мной следом, и я у него на глазах бросаю сверток на кучу грязного белья, которое я приготовила к стирке, думая с ужасом, что военный сейчас все развернет.

Но, слава Богу, он этого не сделал, только сказал: «Прекратите стирку». Я пожала плечами и говорю: «Ну, если нельзя, не буду». Он уходит.

Начался тщательный обыск, сначала в комнате Сергея

Александровича, затем в остальных комнатах.

У нас в доме было много книг, хранились письма родственников, друзей, и даже жениховские письма моего отца. Все досконально прочитывалось и это заняло весь день до сумерек. За это время я улучила момент и бросила тетрадку за печку на кухне, между задней ее стеной и стеной кухни. Уже в сумерках, обозленные тем, что понапрасну проделали такую работу, начали обыск па кухне. И хотя в доме ничего противозаконного не было обнаружено, на кухне искали везде, в печке, на печке, даже в печной трубе. Глядя на это, я очень волновалась, что найдут тетради, но, слава Богу, за печкой они искать не стали.

Очень тяжелый день мы пережили, хотя все кончилось благополучно. Вероятно и на Сергея Александровича это событие оказало плохое действие, потому что после этого приступы болей в сердце участились.

Он чувствовал себя виноватым перед моим отцом, хотя отец мой старался убедить его, что нисколько ни в чем его не обвиняет.

Потом он рассказал, что был арестован в Киеве и долго находился в какой-то очень строгой тюрьме, которая носила название «каменный мешок». Рассказывал, как грозил ему расстрелом Киевский прокурор за то, что Сергей Александрович якобы способствовал тому, что его книга «Великое в малом» была переведена на иностранные языки и попала за границу.

Сергей Александрович отвечал ему, что ни в переводе книги на иностранные языки, ни в пересылке ее за границу, он не только не участвовал, но и не знал. «Кроме того, — сказал Сергей Александрович прокурору, — если вы меня расстреляете, то этим докажете правильность написанного мной в этой книге».

«Вот в том-то и дело» — стукнул по столу кулаком прокурор. Сергей Александрович говорил, что книга его «Великое в малом» с сионскими протоколами была в Петербурге скуплена в первый же день поступления ее в продажу. Так что даже Сергей Александрович сам не мог приобрести ни одного экземпляра и у него книги этого издания не было.

В конце-концов Сергея Александровича освободили, признав его «коечным больным» или, может быть, боялись применить к нему суровые меры, так как книга его была известна за границей и Сергей Александрович говорил, что он даже получил посылку от Форда.

Но этого «коечного больного» потом все время высылали из одного места в другое, лишив совершенно спокойствия. Вскоре после этого события я уехала с детьми в Москву, и к родителям

приехала только на Святки.

Елена Александровна часто мне писала и нередко упоминала в своих письмах о том, что Сергей Александрович чувствует себя хуже, что несколько раз были у него тяжелые сердечные приступы с потерей сознания. Когда мы с мужем и детьми приехали к родителям, Сергей Александрович встретил нас словами: «Уже последние звонки мне даны, Левушка.» Но и сам он и Елена Александровна были по-прежнему спокойны и светлы духом, и также со всеми ласковы и приветливы.

Пробыв в Крутце несколько дней, мой муж уехал в Москву на работу, а я с детьми осталась еще погостить у родителей. И комнате Сергея Александровича был образ преподобного Серафима Саровского, где он изображен согбенным, с палочкой. Сергей Александрович как-то сказал: «Вот батюшка идет с палочкой и указывает мне дорогу. Куда он приведет меня, там я и буду.»

Слова эти оказались пророческими. Наступило 1-е января старого стиля. Новый год церковный. Накануне вечером мы сидели в комнате Сергея Александровича, и он читал нам вслух житие святителя Василия Великого из славянской Четьи Минеи, хранившейся в нашем доме с давних нор. Я до сих пор помню многое из того, что содержалось в прочитанном житии.

Утром, как обычно, они с Еленой Александровной были у заутрени и литургии и, вернувшись, завтракали со всеми.

После завтрака Сергей Александрович отправился к себе и, встретившись в дверях с моим дедушкой, пошутил: «Вот, отец дьякон, хорошо, что Вы худенький, Вам в Царство Небесное легко будет войти, а вот я, как войду». Дедушка в ответ улыбнулся.

И никто из нас в тот момент не предполагал, что остаются считанные часы, и Сергей Александрович оставит нас навсегда.

В своей комнате Сергей Александрович прилег отдохнуть, а Елена Александровна занялась около него каким-то делом.

Как обычно, в 3 часа дня мы собрались обедать на кухню, где всегда обедали. Папа позвал через стенку: «Сергей Александрович, Елена Александровна, идемте кушать».

Мы пришли на кухню, уселись за столом, но обедать не начинали, ожидая: когда придут Сергей Александрович и Елена Александровна. Но пришла одна Елена Александровна и сказала, что Сергею Александровичу плохо и он прийти не может. Сама она набрала в плоскую металлическую фляжку холодной воды, чтобы положить ему на сердце, как они делали всегда.

Все это произошло 50 лет тому назад, медицинских сведений о стенокардии у нас тогда не было, врачебной помощи на селе тоже не было, поэтому и применялись неправильные средства,

как холод на область сердца при сердечной спазме.

Но, видимо, ему стало лучше, так как, когда мы, пообедав, возвращались в комнаты, он позвал нас: «Батюшка, Манечка, зайдите». Мы с отцом вошли к ним в комнату и присели на сундук, который там стоял. Сергей Александрович сидел в кресле около письменного стола повернувшись лицом к двери и к нам. Елена Александровна стояла позади него и держала на его голове мокрое полотенце. Сергей Александрович начал говорить о том, что приближаются тяжелые времена для церкви, что «держай от среды отъят есть», т. е. некому удерживать людей в их устремлении все к большему злу. Он так всегда говорил и повторил теперь.

Когда его иногда спрашивали, неужели он считает, что жизнь человеческая не может снова пойти по правильному пути, он отвечал: «Чтобы зажарить зайца, нужно иметь зайца», т. е. чтобы устроить правильную человеческую жизнь, нужны правильно мыслящие люди, а таких, считал он, недостаточно.

Положив руку на колено отца, он сказал: «Ах, батюшка, батюшка, жаль мне Вас». Мне тоже положил руку на голову с какими-то словами. Но я вспомнить их не могу, так как они напрочь вытеснились из головы последующей за тем страшной и горестной минутой.

Елена Александровна пыталась удержать Сергея Александровича от разговоров, повторяя: «Мужочек, не говори, тебе вредно».

И Сергей Александрович сказал еще несколько слов, внезапно откинулся назад и что-то в груди его заклокотало и захрипело.

Отец мой взял полотенце и побежал намочить его водой похолоднее, я же вышла из комнаты, думая, что так будет лучше для больного. На меня нашло какое-то оцепенение, я не знала, что мне делать. Молиться? Но что значат мои молитвы, когда умирает, уходит такой человек, как Сергей Александрович? В мыслях и чувствах было полное смятение. Думала: значит Господь призывает его, и молитва моя не поможет. Мысли эти, конечно, были совсем неправильны, и возникли от большого потрясения.

Вошел отец с мокрым полотенцем, а я все стояла в таком оцепенении, как вдруг услышала горестный возглас Елены Александровны: «Господи, помоги мне!»

Я скорее вошла в их комнату и увидела, что Сергей Александрович недвижим, Елена Александровна сзади поддерживает его голову, а отец мой, обливаясь слезами, читает отходную по требнику.

Так вот и привел Сергея Александровича преподобный

Серафим в жизнь вечную в невечерие своего праздника.

Было около шести часов вечера, канун праздника преподобного Серафима, чудотворца Саровского, которого всю жизнь почитал Сергей Александрович, и которому поручил свою жизнь. Сходили за церковным сторожем, он пришел, помог одеть Сергея Александровича и положить его на кровать, так как другого места в их маленькой комнате не было.

Лицо Сергея Александровича было совершенно спокойно и как-то торжественно. В руки ему Елена Александровна вложила большой деревянный крест и он и по смерти своей как бы исповедовал свою непоколебимую веру.

Как не велико было горе Елены Александровны, но еще сильнее была ее вера и преданность Богу, и поэтому она могла превозмочь свою скорбь.

Утром на следующий день, она позвала меня прочитать с ней вместе службу преподобному Серафиму. Мне пришлось читать паремии, и вот я прочитала слова: «Скончался вмале, исполнив лета долга, угодна бо бе Господеви душа его. Сего ради потащахся от среды лукавствия. /Поэтому постарался уйти из среды лукавствия/. Люди же видеша и не разумеша, яко благодать и милость в преподобных его и посещение во избранных его».

Как непосредственно относились эти слова к Сергею Александровичу в данный момент.

Вечером в этот день мой отец поехал и Александров и привез следственного врача, чтобы констатировать смерть и установить ее причину. Приехал молодой врач и, открыв дверь в их комнату и увидев умершего, остановился и сказал: «Какой красавец». Так он был поражен красивым и спокойным лицом покойного, лежащего с крестом в сложенных на груди руках. Он осмотрел тело и написал заключение: «Разрыв аорты».

Я отправила телеграмму мужу: «Сергей Александрович скончался». В тот же день вечером мой муж приехал и 17-го января /нового стиля/ 1929 г. мы похоронили Сергея Александровича.

Могилу приготовили у южной стены колокольни нашей церкви, против придела во имя Святителя Николая, как раз против правого клироса, где была большая икона преподобного Серафима.

Смерть его вызвала сожаление у всех кто его знал. В селе нашем жили две женщины — мать с дочерью. Были они из числа озлобленных и «отпетых». Никто их не любил, со всеми они ссорились. Дочь, Катя, была первой комсомолкой на селе.

Когда Сергей Александрович и Елена Александровна

совершали свои ежедневные прогулки, им каждый раз приходилось проходить мимо дома этих женщин. Если они видели этих женщин около их дома, они всегда ласково с ними здоровались, а иногда и разговаривали, ничем не выражая никакого пренебрежения.

И вот эта Катя, узнав о смерти Сергея Александровича и о времени погребения, пришла, стояла все отпевание и даже помогала опустить гроб в могилу.

Так вот умели они пробуждать добрые чувства даже в сердцах ожесточенных.

Елена Александровна пробыла у нас только 9 дней после кончины Сергея Александровича и уехала в Чернигов, где на прежнем месте их обитания оставалась близкая им старушка, больная, и Елена Александровна считала своим долгом быть около нее и ходить за ней. Их обоих не касалось предписание о высылке из Чернигова.

Очень пусто и грустно стало без Сергея Александровича и Елены Александровны в нашем доме. Да вскоре оправдались и слова сожаления, сказанные перед смертью Сергеем Александровичем моему отцу. Меньше, чем через полгода отцу моему было предписано освободить дом, в котором он прожил 30 лет, и который был построен по его плану, когда он вступил в должность священника. Дом был построен на церковные средства, или, как ему заявили, на средства общества, и поэтому он должен был его покинуть.

Оставили ему сарай, построенный им на свои личные средства, и отец с семьей долгое время ютился в этом сарае, пока, с трудом не удалось ему построить другой, маленький дом на другом месте, в саду. А церковный дом был сломан и продан куда-то в другое селение. При этом, конечно, был большой ущерб, но с этим не посчитались.

А еще через год, мой отец был арестован, имущество «раскулачено», мама с детьми выселена, вернее, выброшена на улицу, и из жалости ее пустила на квартиру одна женщина из соседней деревни.

На могиле Сергея Александровича мой брат поставил крест, сделанный им самим. На кресте, под именем покойного, мы написали: «Честна пред Господем смерть преподобных Его», а на обратной стороне: «Тайну цареву добро храните, дела же Божия проповедати честно».

После ареста моего отца, церковь наша перешла в руки обновленцев, антониевцев. Служил в ней священник, бывший когда-то в хороших отношениях с моим отцом, но с которым отец мой порвал всякие отношения после того, как тот стал

обновленцем.

Затем церковь была закрыта, ее передали под клуб, потом под магазин, а когда я была там лет 10 тому назад, от нее оставалась только часть фундамента, по которому, однако, можно было определить место могилы Сергея Александровича.

С Еленой Александровной велась у нас переписка, затем и 35-38-м годах, после кончины той старушки, она жила у нас и селе Городок, Калининским области, где работал тогда мой муж. Она помогала мне в уходе за детьми и была незаменимой воспитательницей и забавницей. Она как всегда находила возможность оказать кому-нибудь добро.

Недалеко от дома, в котором мы жили, стояла ветхая избушка, в которой жила одинокая старуха, как ее там называли Паликашиха.

Были ли у нее родные или дети, не знаю. Жила она одна и кормилась тем, что собирала милостыню. И вот каждый праздник Елена Александровна брала у меня или пирогов, или еще что-нибудь и шла поздравить «бабушку Поликарповну», как она ее называла, не желая умалять ни по каким причинам ее человеческое достоинство, достоинство создания Божия, некупленного Кровию Спасителя.

В 1938 году работа мужа в Калининской области кончилась, нам было необходимо вернуться в Москву, так как нас всех грозили выписать из квартиры, как непроживающих.

Мы переехали в Москву, а Елену Александровну пригласила к себе ее бывшая черниговская хозяйка, которая в то время жила в гор. Кола Мурманской области.

Там Елена Александровна скончалась. День кончины ее мне неизвестен, так как письма оттуда прекратились.

Елена Александровна Нилус, урожденная Озерова, происходила из аристократической семьи. Отец ее, Александр Петрович Озеров занимал многие придворные должности. Был он, кажется, посланником и Греции, где и родилась Елена Александровна. Был посланником посольства в Персии, а затем был обер-гофмейстером Двора Его Императорского Величеств, только именно кого — не помню. У него было семеро детей. Старший сын, Александр, погиб в Болгарии при осаде Шипки. Старшая дочь Ольга, в замужестве княгиня Шаховская, после смерти мужа приняла монашество и скончалась в Дмитревском женском монастыре Московской области, в сане игумении, приняв в монашестве имя Софии. Один из сыновей Давид, ведал состоянием Зимнего Дворца. Елена Александровна нам говорила, что однажды, когда под его наблюдением шли какие-то работы в Зимнем Дворце, то в кабинете Александра I, на обратной стороне

его портрета была обнаружена укрепленная фотография старца Федора Кузьмича.

Сын Борис тоже находился на государственной службе, только я совсем не помню, где именно он служил. Знаю только, что его дочь Ольга была замужем за летчиком Андерсом. Елена Александровна пыталась ей писать, но ответа не получила. Дочь Мария была замужем за Гончаровым, имени и отчества которого я не помню. Потом она овдовела и скончалась во Франции, где-то недалеко от Парижа.

Младший сын Сергей был военным, и погиб в империалистическую войну.

Елена Александровна была фрейлиной при дворе имп. Марии Федоровны. В котором году она вышла замуж за Сергея Александровича я не помню, знаю только, что это было еще при жизни Иоанна Кронштадского. Елена Александровна говорила, что родные ее и окружающие очень не одобряли ее замужества. Родителей ее уже не было в живых.

И вот однажды на пароходе, рассказывала Елена Александровна, она оказалась вместе с о. Иоанном Кронштадским, и сказала ему, что она выходит замуж за Нилуса. «Вот молодец, вот молодец» — говорил о. Иоанн, похлопывая ее по плечу. Елена Александровна говорила, что он столько раз это повторил, как будто в противовес всем неодобрительным словам, которые ей пришлось услышать по поводу своего намерения.

Сергей Александрович говорил, что в мире произошла переоценка ценностей, т. е. то, что люди привыкли ценить высоко, не оправдало своей оценки и не спасло от катастрофы. По мнению его, с чем полностью была согласна и Елена Александровна, существует только одна абсолютная ценность — Евангельская Истина.

Помяни Господи верных рабов Твоих во Царствии Твоем.